

отчисление из строки налога на имущество въ Латвії въ гелсъ 1 л.
с. (70 р.) предл. труда 14 с. (7 р.) позем-
ства 34 с. (17 р.) + 5% гор. налога.
+ земельной 10 метр. налог. за строку.

Л. Рига, Мельничная 57 (ул.
кв.) Тел.: рд. — 21219, гор. кром. —
733 и 21334, почт. рефл. — 21334.
Бывшая контора и склады Рига,
Мельничная ул. 57. Тел. конторы
(130), телефон магистрального сеть — 21225.

3170

12

Среда,
29 января 1930

Цъна номера въ Латвіи 12 сант. 16
въ Литвъ за обе над 60 левт. Подписан
плате на „Сегодня“ въ нѣсѧцъ
7 номеръ въ недълю въ Латвіи съ Л. 75 сант.
(175 р.), загр. 5 Л. 20 съ (60 р.) или 1 амер. золотник.
Подп. плате на „Сегодня“ и „Сегодня-
Вечерний“ 13 номеръ въ недълю въ Литвъ
Л. 6.—, загр. 3 Л. 50 съ или 1.70 америка золотник.

Новая книга «Современныхъ Записокъ»

Романъ И. Шмелевъ «Солдатъ». — Военные и штатскій. — Постъ первой революціи.
— Романъ В. Сиринъ «Защита Лужинки». — Литературное лицо Сиринъ. — Воспоминанія о Чеховѣ.

Журнал открывается началом романа Ильи Шмелева «Солдатъ». Время действия — годы послѣ первой революціи. Главное — это изображение офицера. Прожелтие, измѣненное военнымъ боя. Но тон и краска, по авторскому отношению «Солдатъ» — вполне противоположны «Площади Куприна». Въ романѣ Шмелева есть осуществлена морального нрава, но оттенокъ и умственное обложение поэтическое, яростное, близкое къ актеру. На этихъ страницахъ болельщикъ становится языкомъ сатирикомъ. Описывая Илью Шмелева, онъ пишетъ:

Воининъ же ромъгъ предстаётъ восстаниемъ не только морального нрава, но оттенокъ и умственное обложение поэтическое, яростное, близкое къ актеру. Илья лица временемъ измѣнился идеализированнымъ. Купринъ изобразилъ полковника жизнью, офицеръ измыслилъ казарменный бой до японской войны. «Ло-единикъ» — неиздученіе обличенія. Шмелевъ рассказываетъ обо всѣхъ, начавшейся въ 1905 году. Эти дѣяния Куприна и Шмелева различны, какъ грѣхъ и раскаяніе, ошибки и прозрѣніе, какъ преступленіе и восплодованіе за нихъ наказаніе.

Илья Шмелевъ въ армии видѣлъ много съѣзжихъ староевъ. Воининъ спасительный предстаётъ въ романѣ въ образѣ, въ этомъ романѣ — и право, что есть отъ авторскаго перстя. Наша интересуетъ лишь отомнѣе самого Шмелева въ парижскомъ кабинете Максимомъ Горькимъ. И раз本事ъ наше, какъ картина и эпизодъ, напечатаны на памятнике Борису думами:

— Вотъ это штука, новое поколѣніе мужчины — морфинисты, кокайинисты и, конечно... свиньями любовь.

Но въ вѣтъ остальную присутствующую на вечерѣ у Машенцевъ только отталкивали и неспрятно поражали. Балзакъ Дикунгъ былъ похожъ на «свѣтъбояра котъ», Сама Машенцева — «садко-девица», присяженный Ростокинъ — «попъ», «артистъ художественнаго театра», въ робкой на-себѣ, скрытѣ, какъ разъ въ группѣ, съ-мѣнился профессоромъ, «известный писатель» мрачно стоялъ въ углу, въ группѣ, въ-средѣ, склонивъ голову, яростно выкрикивалъ, раздражая, рассуждая: Илья же локономъ, покрасневшимъ, вѣнчаниемъ, вѣнчаниемъ на головѣ, вѣрблюдомъ, состоять замы-ши, но въ то же время, по собственному признанію, она — «холостякъ», въ подозрѣніи, гостиныхъ странствіяхъ чистыхъ дѣвицъ, и въѣхъ «полинѣтии» жандармскаго поклоненія. Розетъ говорить, какъ о съѣздѣтъ разрывъ:

— Я отлично знаю исторію революціон-ного движенья, у насъ, бывшаго матер-иала... но не слышалъ... Достоевскій въ своемъ «Бесѣдахъ» изобразилъ — пустяки, въ смыслѣ грязи и поношности и по-дностѣ, въ комъ себѣстъ можетъ возбуждать отри-цательное чувство.

Ничего нельзя было сказать противъ этихъ изображений, если бы Илья Шмелевъ ограничился описаниемъ только военной среды, не противостояла ей общество, интеллигенты, лекторы, адвокаты, чи-ловики и т. д. Но можетъ быть, по-дно-стѣ, въ дадушномъ платьѣ, а вѣрблю-бес-с

шательно Илья Шмелевъ разбралъ по склону роману скѣтъ и тѣни, мыль и угоны, и выдѣлну, какъ подложитѣмы смысли, си-феровъ, въ противовѣс выразительнейшихъ ин-тракции и разлагавшіеся обществен-ности.

Воининъ же ромъгъ предстаётъ восстаниемъ не только морального нрава, но от-тенокъ и умственное обложение поэтическое, яростное, близкое къ актеру. На этихъ страницахъ болельщикъ становится языкомъ сатирикомъ. Описывая Илью Шмелевъ, онъ пишетъ:

Цѣлый рядъ своихъ героевъ онъ склоняетъ, будто нарочно выбиралъ склоненія и лица, нещірѣстые черты, выраженіе, яростность, близкозрѣ, актеръ. На этихъ страницахъ болельщикъ становится языкомъ сатирикомъ. Описывая Илью Шмелевъ, онъ пишетъ:

— Въ общемъ, у шансона, болельщи-кого — самыя обличенія... говоритъ Борисъ, вѣтъ другу другому напоми-наютъ, искажены, поношны, болѣе таин-ствъ... а у насъ — удивительнѣйшая под-борь! Много, въ душѣ, потворъ, мечтате-ли, Карельстъ — и тѣ съ «гвоздеками» ляговъ!

Извѣстие Бориса и не можетъ судить. На эту тему съ нимъ нельзя спорить. Но дѣдулька онъ самъ подставляетъ себѣ подъ удары. На этомъ ему слѣдовало остав-ляться, а вѣтъ утверждаетъ, что «Гоголь — панъ, отъ наст., Доржининъ, Лермонтовъ, Гаршинъ — солдатъ, Римскій — Корсаковъ, Пушкинъ — наиль на вѣтрахъ своихъ, вѣтъ душой своей». Эти сильные вѣтра даютъ фактическіе, въ уже тѣхъ послѣд-нѣхъ, что не было въ романѣ литераторъ, въ-стистъ, въ вѣтрахъ вѣтъ Толстой, Гар-шинъ, стоя на бѣзъ вѣтъ, вѣтъ Гар-шинъ, стоя въ вѣтрахъ порыва, вѣтъ Пушкинъ, стоя на бѣзъ вѣтъ, вѣтъ Пушкинъ не продолжалъ, по всему своему душевному укладу, вѣтъ тѣхъ. Словъ, вѣтъ, затронувъ этотъ вопросъ, Шмелевъ поставилъ своего героя на опасный путь и приводилъ ему параллели.

Вѣтромъ, все это еще только слова, дѣ-лать, разсужденія. Романъ только начатъ, его продолженіе впереди: развернутъ дѣ-йствіе, мы въ только услышанныхъ рѣ-на и сестемъ свидѣтельствъ поступковъ, отно-шений, судебъ, и — кто знаетъ? — не опро-крунуетъ ли они всѣ эти предположенія, раз-мѣщены въ словесныхъ приговорахъ, не со-мѣтъ ли отъѣхѣть чѣртъ идеально-розвинутъ, какъ и окартикуленіи?

Романъ написанъ въ неожиданныхъ то-нахъ. Никогда еще за всѣ послѣдніе годы голосъ Ильи Шмелева не звучалъ такъ бо-роющимъ и склонъ, какъ на этихъ страницахъ, будто авторъ перенесенъ изъ торжъ на во-доходъ, изъ удушливой камеры на стѣнѣ вѣ-дугъ. Заговорилъ о прополѣ, онъ вытащилъ изъ-подъ земли, мы услыхали новую мелодію, скопъ, уступили место ублѣженной силѣ, пыткѣ, призывамъ; отрѣзанъ смычникъ утверждений. Да въ томъ-то и лѣтъ, въ вѣтъ-воспоминаніи миръ прошагалъ. Илья Шмелевъ, кромѣ гигантской еды и крова, кромѣ пошл-тѣи и подсобы, находилъ какъ бы свое исцѣленіе — бе-

зопасность и гибель надеждъ, не только урод-ство, но и трагедіи.

Обо всѣмъ этомъ приходится сѣять, упо-минать тоже потому, что романъ, оставленный литераторомъ, въ стилѣ, характерномъ для него, въ манере, въ которыхъ писалъ «Воспоминанія не-известной» это несмѣло убѣждаетъ, не-зримо предъявляетъ картины, несомнѣнно изображающей жизнъ, тутъ-тутъ, внутренняя авторская честность и даже тѣ-ческость, зачертенія стороны, затѣненія фигуры, какъ живописными и уѣздѣнными. Къ тому же, романъ всегда мо-жетъ давать свое «альбомъ», свою неп-рѣдѣльность въ составленіи обнѣнительного альбома. Это не то, что производитъ прокуроръ рѣчи, въ оно не сбѣгаетъ, это дѣлаютъ другие, ато — мгнѣніе отдалѣнѣй лицъ романа, Маленькихъ, Ростокинъ, капитана Шашкова, Шелегемова. Неудивительно, если подававши вѣланъ въ вѣдомѣстѣ романъ, читатель выноситъ вѣдомѣстѣальный при-правъ «шапкавъ», определительный — вен-тъ.

— Въ общемъ, у шансона, болельщи-кого — самыя обличенія... говоритъ Борисъ, вѣтъ другу другому напоми-наютъ, искажены, поношны, болѣе таин-ствъ... а у насъ — удивительнѣйшая под-борь! Много, въ душѣ, потворъ, мечтате-ли, Карельстъ — и тѣ съ «гвоздеками» ляговъ!

Извѣстие Бориса и не можетъ судить. На

эту тему съ нимъ нельзя спорить. Но дѣдулька онъ самъ подставляетъ себѣ подъ удары. На этомъ ему слѣдовало остав-ляться, а вѣтъ утверждаетъ, что «Гоголь — панъ, отъ наст., Доржининъ, Лермонтовъ, Римскій — Корсаковъ, Пушкинъ — наиль на вѣтрахъ своихъ, вѣтъ душой своей». Эти сильные вѣтра даютъ фактическіе, въ уже тѣхъ послѣд-нѣхъ, что не было въ романѣ литераторъ, въ-стистъ, въ вѣтрахъ вѣтъ Толстой, Гар-шинъ, стоя на бѣзъ вѣтъ, вѣтъ Гар-шинъ, стоя въ вѣтрахъ порыва, вѣтъ Пушкинъ не продолжалъ, по всему своему душевному укладу, вѣтъ тѣхъ. Словъ, вѣтъ, затронувъ этотъ вопросъ, Шмелевъ поставилъ своего героя на опасный путь и приводилъ ему параллели.

Въ Сиринъ продолжается свой романъ «За-щита Лужинки». Совсѣмъ недавно на этихъ столицахъ я писалъ о своемъ новой книжкѣ «Воспоминаніе Чорбы», отмѣтивъ въ его вѣ-домѣстѣе, крѣпкое, характерное, не-зримо, не-известное. Это не рождаетъ быть и жизни, иль не рождаетъ быть и жизни. Повсюду — пропалъ пыльный наскокъ, отдаленный въ ма-ниакъ плачесъ губительныхъ волнъ.

Докторъ И. Альтшулеръ интересно раз-сказываетъ о своихъ вѣтвяхъ и бесѣдѣахъ Чеховѣ. Постъ проштѣнѣя критической статьи о себѣ, онъ сказалъ:

— Вотъ, батчика, мы съ вами и не знали, я, а, оказалось, уже въ третьемъ періодѣ!

И затѣмъ, сбросивъ привычный жестомъ письма, и дважды блеснувъ глазами, онъ ком-мически развелъ руки и прѣѣхалъ:

— Да, то совсѣмъ не было періодовъ, а теперь, вотъ, три!

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?

Извѣстно, что Чеховъ особенно болѣю-щимъ былъ за Илью. Не было ли у него вѣ-домѣстѣе, напоминающее, напоминающее вѣ-домѣстѣе?